

В. И. Пептиев

П. Б. Струве как политический мыслитель: публикации начала века и в эмиграции

В статье анализируются публикации Петра Бернгардовича Струве (1870–1944) начала XX в. и в эмиграции, дающие веские основания считать его самобытным политическим мыслителем не только России, но и Европы. Его статьи в журнале «Русская мысль» и «Дневник политика (1925–1935)», на наш взгляд, недостаточно вовлечены в научный оборот. Между тем, этот корпус наследия П. Б. Струве содержит оригинальные трактовки русской революции и роли в ней интеллигенции, статуса «силы» в мировой политике, провидческие прогнозы относительно стратегического значения бассейна Черного моря и Ближнего Востока в международных отношениях, предупреждения о недопустимости вовлечения России в противостояние Германии и Великобритании. Позиции П. Б. Струве на развилках российской истории свидетельствуют о мощном потенциале его патриотизма («патриотической тревоги»), единстве слова и дела. Многие размышления П. Б. Струве актуальны и в XXI в.

Ключевые слова: русская революция, большевизм, сила в политике, государство и порядок, политические компромиссы, П. Б. Струве, А. В. Тыркова-Вильямс.

V. I. Peftiev

P. B. Struve as a Political Thinker: Publications in the Beginning of the Century and in Emigration

In the article Peter Berngardovich Struve's publications (1870–1944) of the beginning of the XX century are analyzed and in emigration giving strong reasons to consider him as an original political thinker not only in Russia, but also in Europe. His articles in magazines "Russkaya Mysl" and "Dnevnik Politika" (1925–1935), in our opinion, are insufficiently involved into the scientific turn. Meanwhile, this part of P. B. Struve's heritage contains original treatments of the Russian revolution and the role of the intelligentsia in it, the status of "force" in the world politics, prophet forecasts about strategic importance of the basin of the Black Sea and the Middle East in the international relations, warnings of inadmissibility to involve Russia into opposition to Germany and Great Britain. P. B. Struve's positions on the crossroads of the Russian history testify a great powerful potential of his patriotism ("patriotic alarm"), unity of the word and business. Many ideas of P. B. Struve are urgent in the XXI century.

Keywords: the Russian revolution, the Bolshevism, force in policy, a state and order, political compromises, P. B. Struve, A. V. Tyrkova-Williams.

Знания есть вид власти, а *предвидение* событий – управление ими.

В. Хлебников (1885–1922), поэт и прозаик, автор теоретической работы «Доски судьбы»

Наследие Петра Бернгардовича Струве (1870–1944) – неизмеримо (многое еще не опубликовано) и привлекательно для размышлений о человеке, обществе, русском мире. Исследователи (К. А. Соловьев, Р. Пайпс, Е. Л. Петренко, А. В. Хашковский и др.) фиксируют активное участие П. Б. Струве в *политической* деятельности во всех ее разнообразных формах: разработчик Манифеста Российской социал-демократии к ее первому съезду (Минск, 1898), легальный марксист, член ЦК партии кадетов и депутат Государственной думы¹ [3], инициатор, редактор и издатель множества журналов и газет, автор статей и сборников на политические темы. Наименее изучены взгляды и концептуальные прогнозы П. Б. Струве как *политического мыслителя*. Близко знавшая Петра Струве *Ариадна Тыркова* (1869–1962) отмечает его способность, при внешней нескладности на трибуне, вырваться из *заколдованного круга* программных суждений и *застывших* оценок, даже тех, в выработке которых он сам когда-то участвовал. В мыслях П. Б. Струве – *смелый* человек, доходящий до дерзания [13].

Авторский анализ опирается на тексты П. Б. Струве начала XX в. и его «Дневник политика (1925–1935)». С одной важной оговоркой: анализ касается лишь отдельных публикаций, после жесткого авторского отбора текстов и даже фрагментов с рефлексией П. Б. Струве на значимые для него политико-экономические события². Мы сознательно дистанцируемся от других идей П. Б. Струве, если они не касаются политологии в самом строгом смысле понятия. Уточним и свое понимание события через три момента: 1) событие, в отличие от факта, предполагает общественный резонанс, бурение страстей и интересов; 2) это потеря (нарушение) нормального хода вещей, пересмотр вектора движения; 3) важна длительность его воздействия на окружающий мир³.

Зачин по праву принадлежит сборнику статей "Patriotica" (1911). Мы воспользовались постсоветским изданием – с дополненным составом статей, по сравнению с дореволюционным⁴ [2]. Лейтмотив всех статей, по словам самого П. Б. Струве, – «патриотическая тревога». Под угрозой властная мощь России (С. 5–6). Как ее восстановить после поражения в войне с Японией? Как остановить раскол в России из-за полярных позиций к политике П. А. Столыпина, который без обиняков предупредил об очередной развилке российской истории: «Им нужны великие потрясения, нам нужна великая Россия»? Эти вопросы волновали П. Б. Струве за-

долго до революции 1905–1906 гг. В газете «Освобождение» (2 мая 1904 г.) высказана крамольная мысль: «Русская армия побеждала не раз, но, если она тут не победит, знайте, что перед ней была *нелепая задача*» (С. 37).

Нелепое случилось. Каковы же уроки русско-японской войны? Великая Россия – это призыв не к старому, а к *новому государству*. Мощь государства подорвана из-за ориентации внешней политики на *внутренние* соображения (С. 36).

Выход к Тихому океану – недостижимая стратегическая задача из-за огромных расстояний и неразвитости *транспорта*.

Экономика и внешняя политика должны быть направлены туда, где доступно реальное влияние *русской культуры*, а именно в бассейн Черного моря, то есть на европейские и азиатские страны, «выходящие» к Черному морю (там есть люди, каменный уголь, железо). «...Наш Юг должен излучать по всей России богатство и трудовую энергию. Из Черноморского побережья мы должны экономически завоевать и наши собственные тихоокеанские владения». Экономическое господство в бассейне Черного моря укрепляет мирным путем наше влияние на Ближнем Востоке (С. 38). П. Б. Струве ищет компромиссные решения по «еврейскому» и «польскому» вопросам. Для первых – это эмансипация, ликвидация черты оседлости, служба русскому государству, ассимиляция с русской культурой⁵ (С. 41). Польский вопрос – по преимуществу политический, и его решение зависит от могущества России (С. 43).

Большой фрагмент статьи раскрывает хитросплетения европейской политики, маневры Австро-Венгрии, Германии и Великобритании. «Наша внутренняя политика, – заключает П. Б. Струве, – должна быть построена так, чтобы *без ущерба* для наших *интересов*, нашей *мощи* и нашего *достоинства* психологически устранить саму возможность войны с Австро-Венгрией и Германией» (С. 45). Следует даже крамольный вывод о том, что действия на море против нас не будут иметь решающего значения. Отсюда ясно, что *Балтийский флот*, как это ни странно, *менее* всего *нужен* России (С. 47).

Прогнозы и предупреждения П. Б. Струве с некоторыми поправками на современность (ретроспектива в столетие) – обоснованные и провидческие. География еще долго будет ограничивать экспансию России в АТР. Этот мегарегион, как и другие (Африка, Латинская Америка), необычен для российского капитала с точки зрения и деловой культуры, и менталитета. Еще предстоит накапливать «расеянные знания» (от общения) за пределами Европы. Соображения П. Б. Струве можно рассматривать как ключевые критерии отбора траекторий опережающего развития (ТОР). В связи с этим российское *Причерноморье* должно попасть в список ТОР, особенно после вхождения Крыма в состав РФ и с учетом специфики активов (газ, нефть, туризм, уникальные отрасли сельского хозяйства). Без комментариев несбывшаяся возможность избежать вовлечения России в Первую мировую войну.

В сборнике "Patriotica" [2] П. Б. Струве извлек из глубин политологии и поднял на поверхность персонального анализа тему «Что такое государственный человек? Какими чертами он должен обладать?» Ответы П. Б. Струве просты для *понимания* и сложны в *исполнении*: *государственная мысль* (идея, инициатива, реформа), достойная достижения в масштабах страны. Политическая *воля*, преодолевающая сопротивление несогласных, а то и противников. Личная *ответственность* за исход исторической миссии. Умение *убеждать* правителя (монарха) в правильности предпринимаемых действий.

Образцом для подражания П. Б. Струве считает канцлера Бисмарка в эпоху Вильгельма I. Что же касается П. А. Столыпина и его аграрной программы, то П. Б. Струве в явном затруднении: с одной стороны, премьер России, сам того не желая, стал *акушером* мелкой и личной собственности крестьян и *могильщиком* старопоместного дворянства, и как *чиновник* ослабил свою же государственную деятельность – с другой. И тут же уточняет, что П. А. Столыпин отнюдь не обыкновенный чиновник, он гораздо более *жертва*, нежели *виновник*⁶ (С. 171–174). Итак, чиновник *победил* в нем государственного деятеля. Оценка спорная, вызванная, видимо, горечью от сравнения ситуаций в России и Германии, психологической травмой патриотизма.

Для нас важна не столько точность политического портрета Столыпина в глазах Струве; история поправляет в ту или иную сторону современника. В его размышлениях просматриваются контуры типологической модели, пригодной для определения исторического места и заслуг или провалов любого государственного деятеля.

Державность России, ее место и роль в Европе и мире, в числе основополагающих условий, предопределяется ролью *государства* – гаранта *свободы*, личной и общества, при соблюдении законности и порядка. Этот нравственно-политический императив П. Б. Струве воспитывал в себе смолоду и искал поддержки в сочинениях старшего поколения. Как «ненасытный книжник» (А. В. Тыркова-Вильямс), П. Б. Струве с похвалой отзывался о политических взглядах К. Н. Леонтьева начала 80-х гг. и цитировал его в сборнике "Patriotica" (С. 244–250). Вот некоторые из них: «*Государство* есть как бы *дерево*, которое достигает своего полного роста, цвета и плодоношения, повинаясь некоему таинству... велению вложенной в него *идеи*» (С. 245). «У *идей* нет гуманного сердца. Идеи *неумолимы* и *жестоки*, ибо они не что иное, как ясное или смутное сознание закона природы и истории». «Природа построена *иерархически*. История творится с бесконечным множеством *неравных* во всех отношениях *сил*» (С. 246). Для К. Н. Леонтьева и согласного с ним П. Б. Струве *сила* – это проблема *философии* и *политики*. Никто *после* него (К. Н. Леонтьева) не говорил это так сильно и так остро. Современное напоминание и для XXI в. ...

Русская революция 1905–1906 гг. подпитывала размышления П. Б. Струве на ключевые темы в политоло-

гии. В качестве амнистированного зарубежного журналиста П. Б. Струве попал в С.-Петербург на пике октябрьской забастовки (1905 г.). Его поразило полное непонимание совершившегося переворота *революционерами* [4]. На манифест 17 октября они ответили проповедью *вооруженного восстания*. Абсолютная монархия начисто отрицала всякий компромисс с новыми началами, хотя акты власти от 12 декабря 1904 г. до 17 октября 1905 г. фактически являлись актами компромисса. Уступки власти внушали активным элементам нации мысль не о перемирии и размежевании, а о том, чтобы как можно быстрее доконать врага, пользуясь его *слабостью* (С. 129). Компромисс недоступен большим *политической злобой*. Под компромиссом радикалы разумеют безнравственную сделку со *злом*, приспособление к *неравной силе*. Между тем, по своей идейной сущности компромисс есть как раз обратное: *нравственная основа* общезнания (С. 130). Идея классовой борьбы творчески бесплодна в русской революции. Она разъединяет нацию, а не сплачивает ее. В основе русской революции лежит *социальный переворот* – процесс болезненного перемещения *социальной силы* из кучки привилегированных в народ. Этот процесс есть своего рода *случай* классовой борьбы. Но такой случай, когда классу *противостоит нация* (подчеркнуто. – П. Б. Струве) (С. 132–133). Революция объективно *завершилась*; ошибка революционеров заключалась в том, что они просмотрели этот факт. Буквально ту же ошибку совершило и совершает правительство. Эти две ошибки, питая одна другую, поддерживают страну в ужасном состоянии – *личной и политической* необеспеченности (небезопасности) (С. 134).

Постреволюционная ситуация в России представляла множество поводов для размышлений о том, как должна себя вести оппозиционная партия на стадии задухания политической активности масс. Один из таких – статья С. Епатьевского в журнале «Русское богатство» (№ 5 за 1907 г.) с поэтической метафорой в адрес кадетов: «Облетели цветы, догорели огни». П. Б. Струве не замедлил с ответом [5]. Он констатирует: «Мы отброшены *назад* – об этом не может быть и спора. Мы отброшены назад не только внешними силами, но и самой внутренней *логикой движения*... В эпохе поражения есть могучее средство против уныния. Средство это критика и самокритика» (С. 172).

И далее П. Б. Струве выступает как аналитик: «Буду говорить не как кадет, а как *Имярек*» (С. 174). Вывод его бессловесных ухищрений: «Русскую революцию погубил консерватизм ее психологии. Русские интеллигенты едва ли не самая консервативная порода людей в мире» (С. 174). В чем проявился консерватизм? После 17 октября левые начали проповедь и практику *вооруженного восстания*. Но интеллигенция отвергла тем самым *эволюционный* путь – «пестовать и воспитывать *драгоценный дар* (подразумеваются политические уступки самодержавия. – В. И.), создать для него гранитное ложе *конституционных навыков*, укреплять его *органической* работой на основе учреждений» (С. 175). Консерватизм интеллигенции и в том, что она остается в плену мифа (славяно-народнического) от *избранно-*

сти русского народа в социальном и политическом отношении, своего рода Мессии. Русская революция изгнала славянофильство из его последнего убежища; она есть его окончательное опровержение по факту (*par le fait*). Мы можем и должны его проскочить через *отвергаемые* нашим интеллигентским сознанием «буржуазные» фразы (С. 178). Не повторяют ли постсоветские либералы (говорунны, а не деятели. – В. И.) трагические ошибки интеллигенции начала XX в.?

П. Б. Струве не мог не откликнуться на симптом кризиса современного социализма [6]. Кризис усматривается в культе классовой борьбы в книге *Жоржа Сореля* «Размышления о насилии» (пер. В. М. Фриче, 1907 г.) и в иллюзиях синдикализма (профсоюзного движения). Социальные иллюзии (мифология) не означают социального обмана, но они как рационалистический предрассудок (ложная идея), в силу своего психологического действия, могут оказывать на личную или общественную жизнь могущественное и благотворное влияние. Ж. Сорель, выставя себя верным продолжателем К. Маркса, скептически относится к *научному предвидению* (афоризм О. Конта: *savoir c'est prévoir*), пренебрегает *сложностью* и *ответственностью* всякого *общественного действия*, защищает *безграничную свободу* действовать во имя своих *идеологических концепций* (С. 221–222). Такая позиция ведет к банкротству классового социализма в *политической области*. Синдикализм обещает, что применение классовой борьбы в чисто экономической области сотворит чудеса. Но это *худшая иллюзия*, ибо у нее нет ни научной теории, ни организационного плана (С. 232). Большевик в дальнейшем воспримет как руководство к действию наиболее одиозные черты проповеди классовой борьбы⁷.

Регулярные статьи П. Б. Струве в журнале «Русская мысль» (соредактор А. А. Кизеветтер) относятся и к рубрике «На разные темы». Там превалирует острая полемика с оппонентами-конкурентами (из других журналов). Но в потоке саркастических реплик (особый сюжет для анализа манеры публициста. – В. П.) запрятаны суждения теоретического масштаба. В статье против *Н. М. Минского* П. Б. Струве в небольшом абзаце а) определил идею как *общественную силу*, б) выяснил отношение русской *интеллигенции* к *государству* и *государственности*, в) обозначил истоки переломных идей: они не вычитываются из книг, а даются *историческими переживаниями* (голод 1891–1892 гг.) [7].

Выход сборника «Вехи» (1909 г.) вызвал «девятый вал» общественных дискуссий о «стратегических судьбах русской интеллигенции и ее ответственности за идейные брожения до и после революции 1905–1906 гг.». П. Б. Струве как автору одной из ключевых статей пришлось разъяснять свою позицию возмущенным коллегам. Не ослабляя жесткой хватки убежденного в своей правоте публициста, Петр Струве смог возвышаться над схватками пристрастий и толкований. В полемике с «Письмами» *А. И. Эртеля* и со статьей *Д. И. Шаховского* он находит нейтральные, но значимые определения: «В догматизме заложено внутреннее

противоречие. Догматизм есть *притязание конечного* сознания на всецелое *обладание* бесконечной или окончательной *истиной*... настоящее действие в общем и целом должно быть основано на *компромиссе*, то есть оно заранее должно указывать такие “решения”, которые находились бы в пределах исторической “состоятельности”. Конечно, и тут возможны ошибки и иллюзии, возможны добросовестные исторические “спекуляции” и столь же добросовестные исторические “несостоятельности”. Такие иллюзии и банкротства могут быть даже полезны. Но сознательные иллюзии *логически* в себе противоречивы и представляют в *моральном* отношении *цинизм*» [8].

С пристальным вниманием П. Б. Струве анализирует международное положение и выделяет три момента [9]:

– «Во-первых, антагонизм сильной Англии и сильной Германии.

– Во-вторых, Ближний Восток в связи с турецкой революцией пришел в движение и каждую минуту может стать очагом серьезных осложнений.

– В-третьих, и это самое важное, рядом с сильной Англией и сильной Германией стоит милитарно и политически слабая Россия... Россия может быть в известном смысле отброшена назад в XVII в. и низведена на ту ступень, которую она занимала до Великой Северной войны. Россия должна быть сильной для того, чтобы не могло возникнуть и тени такой опасности» (С. 197, 199).

Идейное брожение в среде русской интеллигенции после революции 1905–1906 гг. лишь обострило требовательность к философскому и научному обоснованию политических программ и идеологизированных оценок. Повод высказаться возник в связи с публикацией «Исторических записок» М. Гершензона (М., 1910). «Метафизика должна быть *критической*... Критический дух означает методическое *философствование*, на каждом шагу подвергающее свои результаты строжайшей *проверке* и перед судом общественной *логики* и перед судом *специальных наук*... Метафизика стоит у *преддверия* науки и должна *замыкать* ее. У них (славянофилов – И. В. Киреевского, Ю. О. Самарина, Н. В. Гоголя) метафизика *толстой скорлупой* облегалась и бесчисленными нитями пронизывает ничтожное положительно-научное *зерно*, вместо того, чтобы быть тонкой оболочкой на мощном ядре научных положений». Из-за несоблюдения этих условий в настоящее время невозможно даже философское возрождение славянофильства [10] – урок истории для неославянофилов XXI в.

П. Б. Струве никогда не был кабинетным мыслителем; его не единожды притягивала политическая кухня с многообразием ее хитросплетений и зигзагов. Веруя в историческую миссию индустриализации, П. Б. Струве (наряду с другими учеными) в 1908–1909 гг. принимал активное участие в «Экономических беседах» на квартире у А. И. Коновалова на Поварской улице или в доме П. Т. Рябушинского на Пречистенском бульваре, то есть с магнатами русского бизнеса – потенциальными противниками самодержавия и бюрократии. Наперекор

позиции партии кадетов в 1910–1911 гг. защищал аграрную политику П. А. Столыпина. В 1915 г. принимает приглашение высшей бюрократии возглавить Комитет по организации эмбарго на поставки Германии и ее союзникам, быть экспертом на заседаниях Особого совещания по промышленности. Политическая деятельность П. Б. Струве не прерывалась и в эмиграции.

П. Б. Струве неоднократно высказывался о большевистском опыте хозяйствования. Его заботила не только и не столько конкретная ситуация (например, к весне 1921 г. или к раскулачиванию крестьян), а *ясность* мысли об исторических *делах* и ясность теоретическая. Научная программа социализма, как ее представлял П. Б. Струве, – это прежде всего регулирование обилия благ, а не скудость самого насущного (постоянный спутник жизни советских людей. – В. П.). Социализм – это также экономическая свобода, а ее пафос – *собственность*. То, что осуществилось в России, не есть социализм или коммунизм [11].

Неугомонность П. Б. Струве проявилась и в изучении типологии действующих лиц в политике и идеологии. На историческом примере и личном опыте он убеждал соратников и оппонентов в эффективности для России сочетания либерализма и государственничества. П. Б. Струве периода эмиграции идентифицировал себя как *либерал-консерватор*. Для него быть либералом означало сохранять свободу лица, а консерватором – признавать власть и государство как положительные и регулирующие начала, выступать за поддержание законности и порядка. У политика-реформатора должна быть смелость порвать партийные путы, догматы идеологии, идти вперед на оправданные компромиссы. Никакая историческая ошибка не может наперед считаться неисправимой [12]. Сочетание либерализма и консерватизма в истории России XIX в. дало импульс великим реформам. В дело освобождения крестьянства влились и горячие западники, и племенные славянофилы. Судебную реформу 1864 г. осуществляли и консерваторы, и либералы той эпохи. Вдумайтесь в меткую самооценку П. Б. Струве: «В России не повезло ни либералам, ни консерваторам. Мы являем собой *недорослей* в либерализме и перезревших *старых дев* в социализме» [12]. П. Б. Струве дает нам ценные указания относительно того, как добиться согласия теории и эмпирики, какой тип ученого наиболее востребован в эпоху реформ. Его ответ нетривиален: *ученый-чиновник*, он менее эрудирован, чем представитель академической науки, но обладает способностью организовать и осуществлять назревшие преобразования. Он не «болеет» российским недугом (беспечностью) и умеет оценивать свои и чужие силы, обладая определенной дерзостью. Ему свойственны уважение к традициям и готовность к переменам [13].

Мысли П. Б. Струве настолько красноречивы, что вывод об их актуальности для постсоветской России напрашивается сам собой. Пусть каждый когда-нибудь откроет и перечитает любое сочинение классика российской политологии, опередившего на десятилетия концепции «жесткой» и «мягкой» *силы*, пользующиеся

ажитоажным спросом на Западе. П. Б. Струве – наш современник.

Библиографический список

1. Наследие Ариадны Владимировны Тырковой. Дневники. Письма [Текст] / предисл. Н. И. Канишевой. – М.: РОСПЭН, 2012. – 1111 с.
2. Струве, П. Б. *Patriotica: Россия. Родина. Чужбина* [Текст] / сост. и вст. слово А. В. Хашковского. – СПб.: РХГИ, 2000. – 352 с.
3. Струве, П. Б. *Избранные труды* [Текст] / П. Б. Струве (вст. слово К. А. Соловьева). – М.: РОСПЭН, 2010. – 560 с.
4. Струве, Петр. Из размышлений о русской революции [Текст] / П. Б. Струве // *Русская мысль*. – 1907. – Кн. 1. – С. 132–134.
5. Струве, Петр. Консерватизм интеллигентской мысли [Текст] / П. Б. Струве // *Русская мысль*. – 1907. – Кн. XII. – С. 172–178.
6. Струве, Петр. *Facies hippocratica* [Текст] / П. Б. Струве // *Русская мысль*. – 1907. – Кн. X. – С. 220–232⁸.
7. Струве, Петр. На разные темы [Текст] / П. Б. Струве // *Русская мысль*. – 1908. – Кн. III. – С. 211.
8. Струве, Петр. На разные темы [Текст] / П. Б. Струве // *Русская мысль*. – 1909. – Кн. V. – С. 11, 118–119, 113–126.
9. Струве, Петр. Современное международное положение под историческим углом зрения [Текст] / П. Б. Струве // *Русская мысль*. – 1909. – Кн. II. – С. 192–199.
10. Струве, Петр. На разные темы [Текст] / П. Б. Струве // *Русская мысль*. – 1909. – Кн. XII. – С. 191, 181–191.
11. Струве, Петр. Итоги и существо коммунистического хозяйства. Речь на общем съезде представителей русской промышленности и торговли в Париже 17 мая 1921 г. [Текст] / П. Б. Струве // *Избранные труды*. – С. 461, 466, 481–482.
12. Струве, П. Б. *Дневник политика (1925–1935)* [Текст] / П. Б. Струве [Текст]. – М.: Рус. путь; Париж: УМСА-press, 2004. – С. 89, 555 и др.
13. Тыркова-Вильямс, А. То, чего больше не будет [Текст] / А. Тыркова-Вильямс, 1988. – С. 464–466.

Bibliograficheski spisok

1. Nasledie Ariadny Vladimirovny Tyrkovej. Dnevniki. Pis'ma [Tekst] / predisl. N. I. Kanishhevoj. – M.: ROСПЭН, 2012. – 1111 s.
2. Struve, P. B. *Patriotica: Rossija. Rodina. Chuzhbina* [Tekst] / sost. i vst. slovo A. V. Hashkovskogo. – SPb.: RHGI, 2000. – 352 s.
3. Struve, P. B. *Izbrannye trudy* [Tekst] / P. B. Struve (vst. slovo K. A. Solov'eva). – M.: ROСПЭН, 2010. – 560 s.
4. Struve, Petr. Iz razmyshlenij o russkoj revoljucii [Tekst] / P. B. Struve // *Russkaja mysl'*. – 1907. – Кн. 1. – С. 132–134.
5. Struve, Petr. Konservativizm intelligentskoj mysli [Tekst] / P. B. Struve // *Russkaja mysl'*. – 1907. – Кн. XII. – С. 172–178.
6. Struve, Petr. *Facies hippocratica* [Tekst] / P. B. Struve // *Russkaja mysl'*. – 1907. – Кн. X. – С. 220–232.

7. Struve, Petr. Na raznye temu [Tekst] / P. B. Struve // *Russkaja mysl'*. – 1908. – Кн. III. – С. 211.
8. Struve, Petr. Na raznye temu [Tekst] / P. B. Struve // *Russkaja mysl'*. – 1909. – Кн. V. – С. 11, 118–119, 113–126.
9. Struve, Petr. *Sovremennoe mezhdunarodnoe polozhenie pod istoricheskim uglom zrenija* [Tekst] / P. B. Struve // *Russkaja mysl'*. – 1909. – Кн. II. – С. 192–199.
10. Struve, Petr. Na raznye temu [Tekst] / P. B. Struve // *Russkaja mysl'*. – 1909. – Кн. XII. – С. 191, 181–191.
11. Struve, Petr. *Itogi i sushhestvo kommunisticheskogo hozjajstva. Rech' na obshhem s#ezde predstavitelej russkoj promyshlennosti i trgovli v Parizhe 17 maja 1921 g.* [Tekst] / P. B. Struve // *Izbrannye rudy*. – С. 461, 466, 481–482.
12. Struve, P. B. *Dnevnik politika (1925–1935)* [Tekst] / P. B. Struve [Tekst]. – M.: Rus. put'; Parizh: UM-SA-press, 2004. – С. 89, 555 i dr.
13. Tyrkova-Vil'jams, A. To, chego bol'she ne budet [Tekst] / A. Tyrkova-Vil'jams, 1988. – С. 464–466.

¹ Историки подробно описали тайные переговоры четырех депутатов от кадетской фракции Государственной думы (С. Н. Булгаков, В. А. Маклаков, П. Б. Струве, М. В. Челноков) с премьером П. А. Столыпиным накануне роспуска II ГД («чашка чая» на Аптекарском острове в ночь со 2 на 3 июня 1907 г.). Тайная встреча без согласия партии кадетов. См.: Тыркова-Вильямс, А. То, чего больше не будет [Текст] / А. Тыркова-Вильямс, 1988. – С. 464–469.

² К уточнению понятия «событие» подтолкнула последняя книга словенского философа С. Жижека (Žizek) с этим названием. См.: Иностранная литература. – 2014. – № 9. – С. 280–281. Нас не смущает критическая оценка его книги в академической среде («крайний пример позерства», «забавный шарлатан», ампула «популярного философа» и др.).

³ Цит. По «Социум и власть». – 2014. – № 4. – С. 48.

⁴ Далее в скобках указаны страницы издания.

⁵ Евреи являются ценным элементом на Юге России, (П. Б. Струве).

⁶ А. В. Тыркова-Вильямс иначе воспринимала личность П. А. Столыпина. Будучи парламентским (думским) корреспондентом от партии кадетов, она ценила в нем не только прирожденного актера, но и стойкое понимание прав и обязанностей власти. С Думой говорил не чиновник, а государственный человек. См.: А. В. Тыркова-Вильямс. То, чего больше не будет [Текст] / А. Тыркова-Вильямс, 1988. – С. 458.

⁷ В письме П. В. Струве от 1 марта 1922 г. А. В. Тыркова-Вильямс приводит его определение большевизма: смесь интернационального яда и русской сивухи. Цит. по: Наследие Ариадны Владимировны Тырковой. Дневники. Письма [Текст] (Предисловие Н. И. Канишевой (С. 3–33)) // М.: РОСПЭН, 2012. – С. 362.

⁸ В названии статьи использован латинский афоризм – маска Гиппократова, то есть лики (отпечатки) смерти.